

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ

СВЯТАЯ НАУКА УСЛЫШАТЬ ДРУГ ДРУГА

**Деятели тифлологии –
юбиляры 2007 года**

МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

**РОСТОВ-НА-ДОНУ
2007**

СОДЕРЖАНИЕ:

От редакции.....	3
Мессия слепых (Б. Мавромати).....	4
Король математиков (Л. Эйлер).....	6
Архиепископ и хирург (В. Войно-Ясенецкий).....	9
Лауреат Уваровской премии (А. Скребицкий).....	13
Певучее перо поэта (В. Калмыков).....	16
Феномен Фёдорова (С. Фёдоров).....	20
Я и муза (Д. Алёшин).....	24
По велению сердца (Б. Кукель).....	27
Оживить надеждой человека (М. де Сизеран).....	29

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемый читатель!

Мы рады нашей новой встрече.

Сборник «Святая наука услышать друг друга» выходит в свет уже в четвёртый раз.

Как и в предыдущих выпусках, мы снова знакомим Вас как с представителями всего земного шара и всей России, так и со своими родными, представителями славного Тихого Дона.

Некоторые имена Вам, безусловно, знакомы.

О некоторых услышите впервые.

О ком-то из наших героев материала опубликовано очень много.

Остаётся только красиво оформить.

А о ком-то – собирать приходилось буквально по крошечке.

Но не упомянуть мы не могли.

Все, упомянутые в этом сборнике имена, заслуживают того, чтобы их упомянули.

Разве можно забыть о человеке удивительнейшей судьбы, познавшем и хулу, и хвалу – Валентине Войно-Ясенецком?

А как не рассказать о выпускнике нашего мединститута Святославе Фёдорове?

А гений тифлологии француз Морис де ла Сизеран? О нём вообще особая речь.

...Николай Скрёбов обмолвился в одном из своих стихотворений: «У поэтов так неожиданно обрываются биографии»...

В 41 год ушёл из жизни поэт Владимир Калмыков.

Но, видимо, не только у поэтов...

Общественному деятелю Борису Мавромати тоже была отмерена всё та же цифра – 41...

Оба просто сгорели...

Хотя и это не показатель...

Вот Александр Скребницкий, Леонард Эйлер и Бронислав Кукель прожили жизнь очень необычную, очень нужную и очень долгую.

Итак, мы снова рассказываем о людях, которых объединяет одно желание – забыть о собственных невзгодах. Помочь ближнему. Разделить чьё-то горе.

Трудными были искания места под солнцем. Не раз и не два меняли они свои взгляды, пока ни приходило убеждение: да! Моя стезя – помощь другим.

Зрячие и незрячие – в едином порыве!

*

13(14?) января Совет ВОС отмечает 110-летие со дня рождения Бориса Мавромати – своего первого председателя.

*Н. А. Ситникова,
библиотекарь отдела обслуживания*

МЕССИЯ СЛЕПЫХ

Идея создания своей независимой организации волновала инвалидов по зрению давно.

Уже в начале 1900 годов прошлого века отдельные группы слепых пытались организовывать кассы взаимопомощи и трудовые артели. Но эти кассы и артели не могли долго существовать из-за отсутствия средств. А по существующим законам того времени каждый член артели должен был внести денежный залог. Но вносить залог слепым инвалидам было не под силу, поэтому их трудовые артели, как правило, местными властями не утверждались.

Возможность создать такую организацию появилась в нашей стране только после Октября 17-го.

Главное, что толкало незрячих к созданию своей организации – это непреодолимая, веками взлелеянная жажда деятельности.

Второй основной задачей была воспитательная и культурно-массовая работа среди инвалидов.

В 1923 году в Москве сформировалась инициативная группа по созданию Общества слепых. В неё вошли студенты учебных заведений для инвалидов, слепой писатель Виктор Горшков, профессор-офтальмолог Сергей Головин, известная общественная деятельница Анна Адлер.

Эта группа занималась серьёзной разъяснительной работой среди незрячих Москвы.

Во главе инициативной группы стоял сотрудник Московского Института слепых Борис Петрович Мавромати, сам слепой с детства.

13 (по другим данным – 14) января 1897 года в посёлке Нижне-Троицкий Уфимской губернии (ныне – Башкирия) в семье красильного мастера суконной фабрики – инженера-технолога, как сказали бы сейчас – Петра Николаевича Мавромати родился первый, из будущих шести, ребёнок.

Боренька.

Мать Александра Ефимовна занималась домашним хозяйством.

Российский род Мавромати ведёт своё начало от греков-эмигрантов, приехавших в Россию с острова Санторин во второй половине XIX века. Прадедушка Бориса женился на русской девушке, а проработал всю жизнь на той же Нижне-Троицкой суконной фабрике.

В 2 годика Боренька заболел золотухой. С осложнением на оба глаза. Сначала лечение проводил фабричный фельдшер, затем мальчика отправили в уездный город Белебей. Сделали операцию. Не помогло. Мама повезла его в Казань, к профессору. Тот сказал, что зрение не восстановить.

И хотя исчезало оно, собственно, медленно, годами – к 10-летнему возрасту Боря ослеп полностью.

Мама серьёзно задумалась над его судьбой. Со своей приятельницей-учительницей они стали уговаривать отца отвезти сына на учёбу в город Пермь, в специальное училище для слепых. *«Это училище существовало на средства благотворительного общества, возглавляла его какая-то дворянка, - рассказывает сестра Лидия, - В конце концов, папа согласился».*

Борис был одарённым от природы мальчиком: хорошо декламировал; имел абсолютный музыкальный слух; пел; играл на пианино, гитаре и баяне – артистические способности проявились довольно рано. И после окончания с отличием училища он поступает в Петроградскую консерваторию.

И очень скоро приходит к выводу, что с выбором поспешил. Его призвание – правоведение.

Но... как слепому, в приёме в Томский университет, было отказано.

И – только после прошения на Высочайшее имя – Борис был принят на юридический факультет.

После учёбы Мавромати жил и работал в Уфе.

В 1919 году в жизни молодого юриста произошло знаменательное событие – он связал судьбу с Катенькой – Екатериной Ивановной Спасовой – молодой выпускницей Московского медицинского института.

До конца дней оставалась Екатерина Ивановна любящей женой, верной подругой и преданной помощницей Бориса Петровича.

Сначала Екатерина руководила сельской школой, позднее работала заведующей детским домом и врачом.

В семье подрастали сын Глеб и дочь Тамара.

Борис Петрович Мавромати работал в профессиональной организации союза *«Всемирный медицинский союз»*. Одновременно был членом Уфимского городского совета, а затем – и Башкирского Главполитпросвета. Стал коммунистом. Выступал с докладами на собраниях рабочих. Пользовался уважением, у него было много друзей.

Сестра вспоминает, что родителей он навещал нечасто – не было времени. Но *«приезжал всегда с подарками, был общителен»*.

В декабре 22-го решением Правительства РСФСР Борис Петрович Мавромати был направлен для работы в Москву – заниматься организацией Всероссийского общества слепых (ВОС).

На незрячих москвичей он произвёл огромное впечатление. Кипучая энергия, широкая эрудиция, юридическое образование, преданность идее объединения слепых сделали Мавромати лидером всех незрячих людей России.

Его даже прозвали *«Мессия слепых»*. Заместитель Ленин тепло отзывался о нём как об очень живом и энергичном человеке, прекрасном ораторе.

Через год в Москве по инициативе и при непосредственном участии Бориса Петровича был образован Совет Всероссийского общества слепых (СВОС).

Мавромати – один из авторов проекта Устава ВОС, с 18 сентября 1923 года он – председатель президиума Совета ВОС.

Первый председатель в истории общества.

6 апреля 1925 года Борис Петрович выступает с докладом на I съезде Всероссийского общества слепых. Тогда он провозгласил: *«Ближайшая задача и лозунг съезда и всей работы ВОС – слепые желают трудиться и не быть в тягость себе и социалистическому обществу. Но для этого нужно организовать»*. Этот лозунг был его жизненным кредо.

Мавромати избирают членом президиума ЦС ВОС, председателем Московского отделения Общества, членом Моссовета.

В это же время он работает политруком в Московской школе-интернате № 1 для слепых детей. Екатерина Ивановна переезжает из Уфы к мужу в Москву и всячески помогает. С 1923 года работает в этой же школе врачом. Не отказывается и от общественной работы: в период организации Всероссийского общества слепых её (на общественных началах) избрали секретарём.

После 1925 года Борис Петрович занимается организацией и вовлечением слепых в металлообрабатывающую промышленность.

Позже Мавромати был председателем *«Технопродукта»* – артели, созданной для трудоустройства слепых. В последующие годы выполнял ряд ответственных поручений: руководил агитационной работой в Наркомпросе, возглавлял агитационный отдел Главполитпросвета.

С 35-го он – персональный пенсионер союзного значения.

А 16 сентября 1938 года первый председатель ВОС умер.

Ему был всего 41 год. Но здоровье было подорвано непосильным трудом.

Похоронили Бориса Петровича Мавромати на Новодевичьем кладбище.

Екатерина Ивановна пережила этот удар.

Но... Казалось бы, судьба и так уже наказала, неизвестно за что, слепотой и ранней гибелью мужа. Куда уж страшнее?

Оказывается, есть куда...

22 июня 1941 года погиб стрелок-радист 121-го средне-бомбардировочного авиаполка 13-й бомбардировочной авиадивизии сержант Мавромати Глеб Борисович...

Екатерина Ивановна работала в то время педиатром. Она отдавала детям все свои знания и теплоту до самого выхода на пенсию в 1958 году.

Долголетняя, безупречная, добросовестная работа Екатерины Мавромати неоднократно отмечалась правительственными наградами и благодарностями.

Две вручённые медали заслуживают того, чтобы о них сказали особо: в 1944 году – «За оборону Москвы», в 46-м – «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов».

А в 1955 году Екатерине Ивановне вручили Орден Ленина.

Просто так подобные награды не раздают...

А жизнь продолжается!

Дочь Тамара окончила Медицинский институт, жила и работала в Москве.

12 сентября 1956 года в семье Мавромати родился внук Александр.

*

15 апреля всё многочисленное сообщество представителей естественных наук планеты Земля отмечает 300-летие со дня рождения Леонарда Эйлера – математика, механика, физика, астронома – учёного необычайной широты интересов.

*Л. И. Сурнина,
зав. отделом обслуживания*

КОРОЛЬ МАТЕМАТИКОВ

Наверно многие из нас помнят и любят различные головоломки, но мы порой даже не задумываемся, кто придумал эти удивительные занятия для ума. Например: нарисовать, не отрывая карандаша от бумаги, открытый конверт. А ведь автор этой известной задачи – Леонард Эйлер, которому в нынешнем, 2007 году, исполняется 300 лет.

Конечно же, эта задача – маленькая кроха из всех огромных и значимых научно-обоснованных достижений этого удивительного человека...

«Идеальный математик XVIII века» – так часто называют Леонарда Эйлера.

...Это был недолгий век Просвещения, вклинившийся между эпохами жестокой нетерпимости.

Всего за 6 лет до рождения Эйлера в Берлине была публично сожжена последняя ведьма. А через 6 лет после смерти Эйлера в Париже вспыхнула революция...

Лео повезло: он родился в маленькой тихой Швейцарии, куда изо всей Европы приезжали мастера и учёные, не желавшие тратить дорогое рабочее время на гражданские смуты или религиозные распри. Так переселилась в городок Базель из Голландии семья Бернулли: уникальное созвездие

дые научных талантов во главе с братьями Якобом и Иоганном. По воле случая юный Лео попал в эту компанию и вскоре сделался достойным членом этого «*питомника гениев*».

Родился он 15 апреля 1707 года в семье небогатого базельского пастора. Первоначальное образование получил дома. Позднее Леонарда определили в гимназию, чтобы пройти курс старших, так называемых «*философских*», классов.

В свободное от гимназических занятий время он стал посещать университетские лекции по математике, которые читал знаменитый Иоганн Бернулли. Профессор быстро оценил талант нового ученика и даже стал заниматься с ним отдельно.

В 1723 году 16-летний Эйлер получил I учёную степень магистра, успешно сдав испытание в виде речи (на латинском языке) о натурфилософии Декарта и Ньютона. Поначалу отец хотел, чтобы сын продолжал его стезю и настаивал на изучении богословия; но здравый смысл восторжествовал, и занятия математикой были продолжены. Наставником Леонарда оставался Бернулли, в доме которого Лео подружился с его сыновьями Дэниелом и Николасом. Он окончил Базельский университет – и вскоре получил должность адъюнкта по физиологии.

Братья Бернулли увлеклись математикой. Вскоре сложился яркий математический кружок.

И на полвека Базель стал третьим по важности научным центром Европы – после Парижа и Лондона (где уже процветали Академии наук)! Каждый год на кружке решались всевозможные трудные и красивые задачи, а на смену им вставали новые увлекательные возможности.

Но когда юные дарования подросли, выяснилось, что в Швейцарии места для них не находится.

Зато в 1725 году в далёкой России по замыслу русского царя Петра I и по проекту немецкого математика Готфрида Лейбница была учреждена Петербургская Академия наук. Русских учёных не хватало, и тройка друзей: Леонард, Дэниел и Николас – отправилась туда – на поиски счастья и научных подвигов.

Чем только не пришлось заниматься Эйлеру на новом месте!

К примеру – обрабатывал данные Всероссийской переписи населения – эту огромную работу он вёл в одиночку; компьютеров тогда не было, и все вычисления Леонард производил в уме и очень быстро!

Он расшифровывал дипломатические депеши, перехваченные русской контрразведкой – оказалось, что подобные вещи математики выполняют быстрее и надёжнее прочих специалистов.

Он обучал молодых моряков высшей математике и астрономии, а также основам кораблестроения и управления парусным судном в штиль или в бурю.

А ещё составлял таблицы для артиллерийской стрельбы и таблицы движения Луны – ведь в дальнем плавании Луна часто заменяла часы!

А ещё занимался теорией музыки...

И только гений мог – выполняя всю эту обыденную, очень трудоёмкую, хотя и совсем простую для него, работу – не забывать о большой науке.

Эйлер оказался гением.

За 15 лет своего первого пребывания в нашей стране он успел написать первый в мире учебник теоретической механики (не учить же простого студента по сложным книгам Ньютона!), а также курс математической навигации и многие другие труды. Писал Эйлер легко и быстро, простым и понятным языком. Столь же быстро он выучивал новые языки, а вот к литературе, почему-то, вкуса не имел...

В дальнейшем Эйлеру придётся заниматься и картографией, и техникой, и даже составлением «*научно обоснованного*» гороскопа для малютки-царя Иоанна VI! Но славу величайшего учёного ему всё-таки принесла математика!

Именно в России Эйлер становится первым математиком мира – «*королём математиков*»!

886 работ – таков итог его научной деятельности...

Не было такой области *«при дворе царицы наук»* XVIII века, в которой Эйлер не достиг бы заметных результатов. Практически во всех разделах встречаются либо теорема Эйлера, либо формула, либо метод.

Он доказал несколько различных гипотез, в том числе *«великую теорему Ферма»* для уравнений третьей и четвертой степени.

Решая цифровые головоломки и развлекательные задачи (например, обходя конём шахматную доску), Эйлер заложил основы теории графов, ныне очень широко используемой.

Учёные-немцы поначалу были на вес золота – первое поколение учёных-россиян ещё не выросло. Вспомним, что и собственного будущего гения – Михайлу Ломоносова посылали за знаниями в Германию!

В 1730 году Леонард занял кафедру физики, а в 33-м – в 26 лет – стал российским академиком. Но через 8 лет он переехал из Петербурга в Берлин. Почему?

Да просто только что завершилось правление Анны Иоанновны, и возобновилась чехарда дворцовых переворотов. В 40-м началось тяжёлое для России время регентства Бирона, и положение Петербургской Академии стало шатким. Новое тогдашнее российское правительство было малограмотным и немилосердным.

Леонард уже давно знал, что он – один из сильнейших математиков Европы. А получалось, что ему не с кем на равных в России поговорить... Приезжая иностранная молодёжь повзрослела и либо уехала из дикой и опасной России, либо погрязла в мелкой текущей работе. Уезжали и малочисленные свои – русские.

Эйлер решает переехать туда, где накал учёных дискуссий был повыше. Он выбрал Берлин – молодой король Фридрих II решил создать научный центр не слабее парижского.

Учёный провёл в Берлине четверть века, и считал эти годы лучшими в своей жизни, но о России не забывал, оставался почётным членом Петербургской Академии наук.

Слава Эйлера гремела по всей Европе.

В Берлине *«король математиков»* проработал с 1741 по 1766 год, а потом снова вернулся в Россию. Почему?

Да просто выросла огромная семья, надвигалась старость, а скуповатый и капризный Фридрих II стал своим академикам отпускать всё меньше средств; и тут новоиспечённая российская императрица Екатерина II (немка по происхождению) предложила Эйлеру поистине роскошные условия.

Германия, конечно, обиделась; но, вообще, переезд Эйлера в Петербург мало что изменил для математиков Европы. Говорили, что *«великое светило лишь сместилось на восток, не исчезая с горизонта»*.

Тесное общение с научной молодёжью Эйлера уже не увлекало; он торопился успеть изложить на бумаге бесчисленные идеи, посетившие его в золотую берлинскую пору. Все научные журналы Европы охотно печатали новые статьи Эйлера. Его трудоспособность и вдохновение с годами только нарастали; и многие тексты, поэтому, увидели свет лишь после смерти автора.

Но любая напряжённая работа бесследно не проходит. В 28 лет он ослеп на один глаз, а к 60-ти годам – на оба. Операция привела к незначительному улучшению: учёный мог лишь разбирать записи, сделанные мелом на чёрной доске. Но и после этого Эйлер продолжал работу, диктуя ученикам свои статьи. Голова оставалась ясной до последних дней.

Он всегда утверждал, что приносить пользу можно и с одним глазом, и даже совсем без глаз. Главное – чтобы твой труд был нужен, что ты можешь кому-то помочь...

Почти половина его трудов создана в последнее десятилетие жизни. В 1770-е годы вокруг Эйлера выросла Петербургская математическая школа, более чем наполовину состоявшая из русских учёных.

Тогда же завершилась публикация главной его книги – *«Основы дифференциального и интегрального исчисления»*, по которой учились все европейские математики с 1755 по 1830 год!

Она выгодно отличается от *«Начал»* Евклида и от *«Принципов»* Ньютона. Это первый учебник, предназначенный не для последователей, а для исследователей: таково завещание Эйлера и всей эпохи Просвещения, адресованное грядущим векам и народам.

«Король математиков» продолжал диктовать свои очередные труды до самой смерти.

Она настигла его на 77-м году жизни. И на 16-м году слепоты... Похоронили Эйлера на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга.

В 1957 году прах был перенесён в Александро-Невскую Лавру.

Швейцарец по происхождению, он прославил Петербургскую и Берлинскую Академии наук, а наследие его принадлежит всему человечеству.

Россия стала для него второй родиной, более 30 лет проработал он в Петербурге. В России выросли пятеро его детей, 38 внуков. Потомки великого учёного и сейчас живут в нашей стране.

А школьники всего мира изучают математику, основы которой с её новой символикой изложил в своих трудах Леонард Эйлер.

*

27 апреля исполняется 130 лет со дня рождения поистине уникального человека – Валентина Войно-Ясенецкого.

*В. С. Новикова,
библиотекарь отдела обслуживания*

АРХИЕПИСКОП И ХИРУРГ

...Шла русско-японская война...

Начинающий врач Валентин Войно-Ясенецкий в составе киевского лазарета Красного Креста отправляется в Забайкалье. Несмотря на молодость, его назначают заведующим хирургическим отделением в военном госпитале. Днём и ночью делает Валентин сложные операции, возвращает к жизни обречённых на смерть людей.

В военном госпитале же встретил он свою судьбу – красавицу Анюту Ланскую. Она была сестрой милосердия... Казалось – счастье безоблачно и вся жизнь впереди!..

Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий родился 27 апреля 1877 года в городе Керчи. Это была обедневшая шляхетская семья. Но из старинного дворянского рода.

После окончания фармацевтического института отец Феликс Станиславович был назначен управляющим аптекой. Жалованье позволяло дать детям довольно приличное образование.

Одновременно с учёбой в киевской гимназии, Валентин занимается в рисовальной школе – обнаружили неплохие художественные способности. После окончания едет в Петербург сдавать вступительные экзамены в Академию Художеств. Но в столице Валентин решает, что выбрал свой путь неверно. Его призвание – не рисование, а медицина! Однако поступить не удастся. Возвратившись в Киев, он снова кардинально меняет взгляды и становится студентом юрфака Киевского университета.

Но тяга к живописи пересиливает. Юноша бросает университет и уезжает в Мюнхен учиться в художественной школе. Но ненадолго. Тоска по Родине, по своим близким заставляет его вернуться в Киев. Теперь он всё своё время отдаёт живописи. Посещает рынки, вокзалы, церкви. Особенно привлекает Киево-Печёрская Лавра – появляются многочисленные зарисовки с натуры богомольцев и прихожан. На его работах нищета, голод и страдания народа приближены вплотную.

На становление жизненного пути Валентина большое влияние оказала семейная среда и народнические настроения того времени. Особую роль сыграл Лев Толстой – Валентин вёл с автором «Войны и мира» активную переписку. Эти идеи привели к тому, что будущий художник вновь

бросает занятия живописью! Всё-таки это не для него. Он окончательно и бесповоротно решает посвятить себя служению людям. Отныне его призвание – только медицина.

В 1898 году начинается обучение на медицинском факультете Киевского университета Святого Владимира. Через 5 лет Войно-Ясенецкий получает диплом с отличием. Предлагают работу на кафедре. Он же избирает трудный и тернистый путь земского врача-хирурга. Большинство сокурсников это решение осудило.

В земских больницах, как правило, работал один врач. Он был мастер на все руки: и хирург, и терапевт, педиатр, и акушер, и стоматолог. Появление специалиста в земстве было редким случаем!

На месте своей службы Валентин оперирует на сердце, на кишечнике и желудке, на позвоночнике и головном мозге, на суставах и нервах, производит гинекологические и глазные операции. И у него получается! Работая круглосуточно, Валентин Феликсович много внимания уделяет и научной деятельности – увлекается бактериологией, патологической анатомией, гистологией. Им была организована специальная лаборатория при больнице. Всё необходимое оборудование купил на свои деньги.

В начале 1905 года молодая чета Войно-Ясенецких переезжает из Забайкалья в Симбирскую губернию. Местная больница была бедной, в ней отсутствовало элементарное оборудование. Но Валентина такое не пугало.

Позднее семья переедет в Курскую губернию. Главным бедствием этого уезда была слепота. Русские деревни, с их грязью и нищетой, издавна были очагами трахомы, приводившей к потере зрения.

Войно-Ясенецкий лечил одинаково и простого мужика, и видного чиновника. В результате одной из операций он вернул тотально слепому нищему зрение.

На новом месте молва о безотказном, добром и чутком докторе быстро распространилась далеко за пределы уезда. К нему потоком шли больные не только Курской, но и из соседних губерний.

Ведя большую лечебную работу, Войно-Ясенецкий не бросал и исследовательской. Он обобщает свой опыт, разрабатывает те или иные разделы по теории медицины, ночами изучает медицинскую литературу, сам публикует статьи. Он разработал новый метод местного обезболивания. В 1915 году в Петербурге вышла его книга *«Региональная анестезия»*, блестяще иллюстрированная самим автором.

За этот труд Варшавский университет присудил ему премию имени хирурга Хайнацкого в размере 900 рублей – деньги по тем временам немалые! Но получить их не удалось: автор не смог послать в Варшаву требуемого количества экземпляров книги, так как издана она была небольшим тиражом и быстро разошлась.

Но он не унывает, появляются новые идеи, которые решено изложить в своей докторской диссертации. Он едет в Москву и предлагает эти идеи руководителям университета. Его выбор одобрен, и сразу же началась титаническая работа. Войно-Ясенецкий несколько месяцев препарировал трупы в Институте топографической анатомии и оперативной хирургии. Для изучения всех вариантов обезболивания тройничного нерва понадобилось измерить 300 черепов! В итоге он нашёл простой и эффективный способ введения анестезирующего вещества к тройничному и седлищному нервам.

Вскоре после Февральской революции Войно-Ясенецкий по конкурсу избирается главным врачом и хирургом городской больницы города Ташкента. В марте семья переезжает в Среднюю Азию.

Одной из причин переезда была болезнь супруги. Незадолго перед этим умерла от чахотки её племянница – возможно, Анна Васильевна заразилась.

Любимая супруга умрёт.

13 бессонных ночей провел Валентин Феликсович у её постели. Потом 2 ночи читал над гробом заупокойную Псалтырь.

На руках – четверо малолетних детей.

Как жить? Как их воспитывать?

Эти тяжёлые думы все чаще и назойливей воскрешали в сознании Валентина Феликсовича идею кары Божией.

Ведь дело в том, что Анна Васильевна – Анюта – совершила клятвоотступничество.

В юности она приняла обет безбрачия.

Поклялась, что посвятит себя Богу и не будет вступать в брак. Но встретила этого мужественного, умного и интеллигентного молодого человека – Валентина, и полюбила всей душой. И вот в 38 лет наказана! Наказана за непослушание, за отступничество, за нарушение клятвы.

Как ни убеждали близкие, что всё это – бред: ведь браки заключаются на небесах, Валентин Феликсович считал себя виноватым в смерти жены. Он знал об её обете, но, как и Анна Васильевна, не устоял перед сильным и глубоким чувством любви...

И неутешный вдовец ночами стоит на коленях и просит прощения у Всевышнего, просит помилования и клянётся, что отдаст себя ему сполна...

Он начинает посещать церковь, всё чаще выступает с проповедями сам.

Эти начинания заметил епископ Ташкентский и Туркестанский Иннокентий и заключил: *«Доктор, вам надо быть священником»*.

Надо было иметь великое мужество, чтобы в условиях преследования религии и утверждения атеизма заявить о своём решении. Но Валентин Феликсович не испугался. Имя ему дали евангелиста и апостола Луки – иконописца (художника) и врача.

Принимая сан, Войно-Ясенецкий расставаться с медициной не собирался.

Он был талантливым хирургом и учёным-исследователем. И никогда не прекращал лечебную практику и научный поиск. Что касается его религиозности, то считал это личным делом, своей совестью. Никому не навязывал религиозные взгляды, даже своим детям, которые все выросли людьми нерелигиозными.

Многое происходящее он не понимал, и принятие сана священника рассматривал, как протест против насилия, вандализма, посягательства на личность, как защиту святынь от осквернений и разрушений.

Новый священник Лука успел совершить в Кафедральном соборе лишь одну воскресную литургию.

Через 10 дней после рукоположения, накануне второй литургии, он был арестован. Дома без отца, матери и близких осталось четверо детей. Их выселили из занимаемой квартиры в тесную и тёмную каморку, безо всяких средств к существованию. Заботу о них взяла на себя добрая и чуткая операционная сестра Софья Сергеевна Велецкая.

В тюрьме архиепископ Лука подвергался издевательствам и пыткам. В знак протеста объявлял голодовку. Но и в тюрьме продолжает писать статьи. Хотя следствие ничего не могло ему инкриминировать, всё равно – получил 3 года ссылки под Красноярск.

Но и в захолустной больнице Войно-Ясенецкий продолжал заниматься проблемами хирургии. Вскоре освободят с обязанностью явиться в Московское ГПУ. В Москве – новый арест. Но он успел в столице встретиться с Патриархом Московским и Всея Руси Тихоном. Осенью 23-го Луку отправили по новому этапу на север. В Туруханске в мужском монастыре Лука выступил с проповедью, в которой осудил церковный раскол и его сторонников-обновленцев.

А потом аресты пошли просто чередой. Как-то продолжался допрос *«конвейером»*: без передышки, отдыха, сна его допрашивали в течение 13 суток сменяющиеся друг за другом следователи.

Вот что в своей книге *«Архипелаг ГУЛАГ»* вспоминает Александр Солженицын: *«В архангельской ссылке Войно-Ясенецкий разработал новый метод лечения гнойных ран. Его вызывали в Ленинград, и Киров уговаривал его снять сан, после чего тут же ему предоставляли институт. Но упорный епископ не соглашался даже на печатание своей книги без указания в скобках сана. Так,*

без института и без книги, он окончил ссылку в 1933 году, воротился в Ташкент, там получил третью ссылку в Красноярский край».

В год начала Великой Отечественной войны Войно-Ясенецкий находился в селе Большая Мурта под Красноярском, работал хирургом в районной больнице. Узнав о начале войны, он послал в областной отдел здравоохранения заявление с просьбой о привлечении его в качестве врача-хирурга к работе в военных госпиталях. Получил согласие.

Преосвященный Лука делал исключительно тяжелые хирургические операции. Извлекая пули, осколки снарядов, зашивая раны, Лука спас жизни и вернул в строй сотни воинов. Это был его немалый вклад в Великую Победу. Работать регламентировалось по 4 часа в сутки и делать не более двух операций. Лука работал по 8-9 часов и делал по 4-5 операций. Это привело к тому, что он переутомился и получил невроз. Болезнь продолжалась несколько месяцев.

Командование по заслугам оценило титанический и самоотверженный труд Войно-Ясенецкого.

«Работа моя по-прежнему велика и успешна. За мной исключительно ухаживают. Командиры из больных вызвали директора обувной фабрики, заказали ему ботинки для меня по мерке, велели во что бы то ни стало достать резиновые сапоги для операций. Заказали также две смены белья, два полотенца, носовые платки. МЭП, через райвоенкомат, представили меня к награде, по видимому, орден. Кормят меня так обильно, что я половину отдаю окружающим или знакомым».

Валентину Феликсовичу вручают грамоты, выносят благодарности.

Работая хирургом, архиепископ Лука в операционной повесил икону, перед операцией кропил святой водой помещение, совершал молитву, халат надевал поверх рясы. Если на операционный стол попадал некрещёный – крестил, тяжелораненый – елеосвящал или соборовал, желая своим пациентам божественной благодати, исцеления немощи. Затем крестился перед иконой и приступал к операции. Администрация госпиталя неоднократно делала ему по этому поводу замечания. А одна из очередных комиссий даже приказала убрать икону, сославшись на то, что операционная – учреждение государственное, а у нас церковь от государства отделена. На это Валентин Феликсович ответил забастовкой: заявил, что приступит к работе только тогда, когда икону повесят на прежнее место.

2 мая 1942 года Войно-Ясенецкий послал письмо Сталину о своей книге *«Очерки гнойной хирургии»* и 26 июня этого же года получил ответ из Медгиза. Книга была принята к изданию.

Этот труд, по оценке видных учёных, стал настольной книгой не только советских, но и многих зарубежных хирургов.

«Большое удовольствие доставили мне живой интерес и всеобщее одобрение, с каким было встречено новое издание этой книги. Достигнута главная моя цель – привлечь внимание врачей к гнойной хирургии, что она – не скучное и неприятное дело, а чрезвычайно важный отдел хирургии».

Врачебную деятельность епископ Лука совмещает с пастырской. Он принимал активное участие в составлении документов Собора, в том числе *«Обращения ко всем христианам мира»*, в котором прозвучал призыв напрячь все силы для борьбы с фашизмом, *«за свободу, счастье и культуру всего человечества».*

В одной из статей писал: *«Гитлер, часто повторяющий Имя Божие, изображающий с великим кощунством крест на танках и самолётах, с которых расстреливают беженцев, должен быть назван антихристом. Богу нужны сердца людей, а не показное благочестие. Сердца нацистов и их приспешников смердят пред Ним дьявольской злобой и человеконенавистничеством, а из горячих сердец воинов Красной Армии возносится фимиам беззаветной любви к Родине и сострадания к замученным немцами братьям, сёстрам и детям. Вот почему Бог помогает Красной Армии и её союзникам».*

Когда начался судебный процесс в Нюрнберге, архиепископ Лука гневно заклеил тех, кто взывал о милосердии к палачам, осудил за это папу Пия XII.

По окончании очередной ссылки архиепископ Лука был вызван в Москву, где получил назначение Московской Патриархии на Тамбовскую кафедру.

В 1946 году научные труды архиепископа Луки были, наконец, по достоинству оценены Советским правительством. Архиепископу и учёному-хирургу была присуждена Государственная премия I степени. Получив премию, он отдал 130000 рублей на помощь сиротам и жертвам фашистских лагерей.

Не обошла своим вниманием Луку и Патриархия Русской Православной церкви. Осенью 1942 года за усердие и послушание Священный Синод Русской Православной церкви возвёл его в сан архиепископа, с назначением на красноярскую кафедру, приравняв лечение раненых к *«доблестному архиерейскому служению»*. Он был избран постоянным членом Святейшего Синода.

А в феврале 1945 года архиепископ Лука был награждён правом ношения креста на клобуке. Московская Патриархия назначает Войно-Ясенецкого архиепископом Симферопольским и Крымским.

Предстоял сложный и трудный переезд из Тамбова в Крым. Местные власти и верующие не отпускали архиепископа, уговаривали остаться на служение, искренне сожалели об отъезде. Но вот в Симферопольской епархии его встретили без внимания. Равнодушно отнёсся и медицинститут. Но Луку это не сломило. Он стал бесплатно принимать больных у себя дома. И сразу же хлынул поток нуждающихся.

В это же время Лука разрабатывает ряд медицинских проблем, издает новые статьи. Едет в Москву и работает в медицинской библиотеке, изучает литературу на иностранных языках. Своими новыми знаниями Лука щедро делится с врачами.

Но бесконечные доносы, аресты, ссылки и личное горе сделали своё подлое дело. Начало падать зрение. В 1952 году профессор Филатов предложил Луке предварительную операцию. Но так вышло, что Лука в Одессу не поехать не смог. А слепота наступала, и через 4 года взяла реванш. Но Войно-Ясенецкий всё равно продолжает заниматься наукой.

Работая над проблемой анестезии, он понимал, что это крайне необходимо для отечественной хирургии. На Западе региональная анестезия уже широко использовалась, особенно в Англии, Америке и Франции, а советские хирурги о ней почти не знали.

За 38 лет священства Лука много времени уделял беседам. Он считал такой вид наставничества наиболее эффективным и произнёс 1250 проповедей, из которых не менее 750 были записаны и составили 10 томов или 4500 страниц машинописного текста. Совет Московской Духовной Академии назвал это собрание *«исключительным явлением в современной церковно-богословской жизни»* и избрал автора почётным членом.

Но в 50-60-х годах резко усилилась антирелигиозная пропаганда, были приняты новые законы о культах, запрещающие многие виды церковной деятельности. Некоторые священнослужители были осуждены. Несмотря на все усилия Луки и других священников, церковная жизнь переживала тяжёлые времена. Лука стал сильно уставать от епархиальных дел. Он писал сыну: *«Церковное дело становится всё тяжелее и тяжелее. До крайности занят тяжелейшими и неприятнейшими епархиальными делами. Очень мучает и волнует постепенное закрытие церковью уполномоченными»*.

Преставился архиепископ Лука 11 июня 1961 года. Его смерть потрясла всех. Даже люди, абсолютно далёкие от церкви, считали, что *«ушла из жизни личность незаурядная»*.

Через 35 лет он был канонизирован. Мощи святого Луки покоятся в Свято-Троицком кафедральном соборе Симферополя.

В Симферополе же великому учёному-архиепископу открыт памятник, а в Тамбовской больнице создан музей.

*

14 мая исполняется 180 лет со дня рождения Александра Скребницкого – основоположника отечественной тифлопедагогики.

*Л. А. Журавель,
и. о. обязанности зав. сектором
тифлобиблиографии*

ЛАУРЕАТ УВАРОВСКОЙ ПРЕМИИ

Александр Ильич Скребницкий родился 14 мая 1827 года в городе Белостоке. Там же закончил гимназию и после её окончания в 1844 году поступил на юридический факультет Московского университета.

А на 3-м курсе вынужден был университет оставить. Поводом послужил инцидент, происшедший перед началом лекции профессора Тимофея Грановского – Александр бросил в оскорбившего его студента чернильницу...

Получил 7 суток карцер, а затем его исключили. Подобная *«ершистость»* характера сохранялась у Скребницкого до конца жизни и, наверное, помогала; во всяком случае, он сумел окончить Петербургский университет по той же специальности и поступил на службу.

Но рутинная чиновничья деятельность удовлетворения не приносила. На протяжении нескольких лет менял место работы, пока не понял окончательно: необходимо выбирать совершенно другую специальность – врачебную. И Александр Скребницкий поступает на медицинский факультет Дерптского университета.

«После разных мытарств, испытанных на службе царю и отечеству», - так писал он Александру Герцену.

К занятиям медициной Саша чувствовал склонность с юношеских лет, но, как отмечает он в своей автобиографии: *«Моя мать, представлявшая обязанности врача во всей их суровости, сомневалась в том, что её сын будет способен к этому тяжёлому служению, и запретила мне занятия медициной»*. Но ко времени поступления в Дерптский университет мамино согласие было, наконец, получено. В 1859 году, защитив диссертацию, Скребницкий получил степень доктора медицины. Он специализируется в области офтальмологии, работает в зарубежных клиниках и лабораториях.

Специальность юриста пригодилась Александру Ильичу при подготовке большого труда (4 тома в 5 книгах) под названием *«Крестьянское дело в царствование императора Александра II»*, который в конце 60-х годов (по цензурным соображениям) был издан в Германии. Впоследствии за этот труд Скребницкому была присуждена Уваровская премия Петербургской Академии наук.

Одновременно с работой над этим изданием, Скребницкий продолжает изучать глазные болезни.

Вернувшись в Россию после работы в немецких клиниках, он оказывает врачебную помощь ослепшим во время русско-турецкой войны солдатам. Оказалось, что только небольшая часть ослепших солдат потеряла зрение от турецкого оружия, все же остальные солдаты пришли в армию с больными глазами и ослепли здесь. Александр Ильич пришел к выводу, что потеря зрения в России – явление более частое, чем где бы то ни было в Европе.

С конца 70-х годов Скребницкий всю свою дальнейшую жизнь посвящает борьбе со слепотой в России. Он принимает деятельное участие в основании Попечительства Императрицы Марии Александровны о слепых, становится членом Попечительского совета.

Во время своих зарубежных поездок обращает внимание не только на устройство школ для слепых, но и на печатание рельефом. К этому его побудили недостатки изданий, осуществляемых Санкт-Петербургским институтом для слепых Человеколюбивого общества: книги печатались на бумаге низкого качества; шрифт был загромождён деталями и с трудом воспринимался осязанием; многие страницы были продырявлены, а некоторые представляли собой настоящее решето.

Тогда Александр Ильич Скребицкий решил создать собственный вариант рельефно-линейного шрифта, более удобный для восприятия осязанием. Молодой художник, к которому он обратился, сделал необходимые изменения и исправления очертаний алфавита. По изготовленным чертежам в 1881 году в Вене шрифт был отлит и в начале следующего года прибыл в Петербург. Оставалось приступить к печатанию – подходящая бумага была также выписана Скребицким из-за границы.

Но... скоро только сказка сказывается.

Частные типографии от печатания рельефом отказывались – это было невыгодно.

Только благодаря содействию Ф. Винберга, управлявшего Экспедицией заготовления государственных бумаг, и его подчинённого Ю. Гребке, начальника Экспедиционной типографии, шрифтом Скребицкого – так называемым «унциалом» – были напечатаны 2 книги: «*Детский мир*» Константина Ушинского (300 экземпляров, высота шрифта 10 мм для начинающих обучаться чтению), и «*Евангелие от Матфея*» (400 экземпляров, высота шрифта 7 мм для более подготовленных, уже владеющих навыками чтения инвалидов).

Цель Александра Ильича состояла в том, чтобы доказать: хорошо отпечатанные книги для слепых можно издавать и в России, не прибегая к иностранцам, которые за подобные работы заламывали поистине баснословные деньги!

Большую помощь он оказывает Анне Александровне Адлер в её работе по созданию рельефно-графических учебных пособий и печатанию первой книги по системе Брайля в России – «*Сборник статей для детского чтения, изданный и посвящённый слепым детям Анною Адлер*». Скребицкий давал ей необходимые советы и рекомендации и сам выполнял множество её заданий и поручений.

Но работа в Совете Попечительства о слепых снова не сложилась. По многим принципиальным вопросам «*ершистый*» Александр Ильич спорил с Карлом Гротом, да и условия оставляли желать лучшего. Он уходит из состава Совета, однако продолжает работать над вопросами воспитания и образования слепых и проблемами борьбы со слепотой в России. Помещает различные статьи в газетах и журналах, издает брошюры, выступает с докладами и сообщениями.

Скребицкий беспощадно критиковал деятельность Попечительства о слепых, что вызвало длительную и ожесточённую полемику в прессе и в самом Попечительстве. Большая его заслуга состояла в том, что он настойчиво и систематически привлекал внимание общественности к слепоте и борьбе с ней. В 1886 году выходит его книга «*Создатель методов обучения слепых Валентин Гаюи в Петербурге*», посвящённая деятельности французского педагога. За два года до этого автор побывал в Париже на праздновании 100-летнего юбилея начала обучения слепых и познакомил французских тифлопедагогов со своими архивными изысканиями о жизни Гаюи в Петербурге.

Исключительную роль в жизни Скребицкого сыграла его жена, друг и помощница – Мария Семёновна. Скажем несколько слов об этой незаурядной женщине.

Мария Скребицкая родилась в Петербурге. Она была дочерью известного в своё время Семёна Алексеевича Юрьевича, одного из наставников цесаревича (будущего императора Александра II).

Воспитанница Екатерининского института.

Она почти 15 лет преданно ухаживала за слепым отцом, заслужив в свете название «*Антигоны*». Скребицкий считал, что уже с этого времени дела милосердия и любви к страждущему человечеству начали для неё входить в простую привычку, а впоследствии превратились в главную цель жизни. С начала 80-х Мария беззаветно посвятила себя благотворительности, помогая девушкам, с успехом окончившим курс начальных городских училищ, получить дальнейшее образование (на её средства были подготовлены к должности сельских учительниц 149 воспитанниц).

В 50 лет её поразил тяжёлый недуг – пришлось отказаться от личного участия в делах благотворительности и выехать вместе с мужем за границу.

Перед смертью любимой супруги Александр Ильич дал ей обещание закончить свой фундаментальный труд «*Воспитание и образование слепых и их призрение на Западе*», на продолжении которого она неоднократно настаивала.

В 1903 году эта книга, которой Скребицкий отдал 22 года своей жизни, увидела свет. Она стала первой русской энциклопедией по вопросам воспитания, образования и трудоустройства незрячих.

Много места в этом издании заняли проблемы книгопечатания для слепых, проблемы рельефных пособий. Указывая на исключительную роль самостоятельного чтения книг в жизни слепых – *«книга, доставляющая развлечение и поучение, является источником ничем незаменимого удовольствия в часы досуга»* – Александр Ильич выступал против распространённого тогда предрассудка, что чтение не представляет для слепых никакой практической пользы. И у слепых, как утверждает Скребицкий, наблюдается жажда знания и умственных интересов. Не каждый из них довольствуется чужим чтением, если даже и найдутся услужливые люди. Вот почему необходимо, по мысли автора, *«обратить внимание на удовлетворение этой насущной потребности путём издания рельефных книг типографским способом»*.

В своём фундаментальном труде Скребицкий подробно останавливается и на создании библиотек. В частности, он отмечает, что уже на конгрессе тифлопедагогов в Нью-Йорке в 1856 году было высказано желание составить библиотеки для слепых. Он тщательно фиксирует все случаи организации библиотек для слепых в Германии, Франции, Англии, Голландии, Австрии, Финляндии; приводит сведения об основателях этих библиотек, их развитии, правилах пользования. Особо отмечает случаи организации *«летучих библиотек для слепых»*, то есть, посылающих книги по заочному абонементу. Автор указывает на выгоды, вытекающие из подобного библиотечного обслуживания незрячих:

- слепые имеют выбор между изданиями,
- им не нужно тратиться на их приобретение,
- они не загромождают их скромных квартир,
- книги не пропадают бесполезно после смерти их владельца, оказываясь ненужными зрячим.

Скребицкий обращает внимание на то, что *«бережное обращение с книгами должно составлять неперемнное условие их высылки»*.

По сути дела, он – первый, кто обратил внимание на опыт работы зарубежных библиотек для слепых и сделал попытку его обобщения.

Касаясь комплектования библиотек для слепых, Александр Ильич приводит сравнение библиотеки с родником, из которого инвалид по зрению мог бы утолить жажду. *«Таким источником и является библиотека; но составленная не исключительно из книг библейских, как это было до сих пор, а, кроме того, из изданий, знакомящих с классическими произведениями литературы; из книг по разным отраслям человеческого знания, преимущественно естествознания, исторического и географического содержания»*.

Большое значение придавал он созданию каталогов рельефных изданий; приводил сведения об их публикации; попутно раскрывал содержание списка рельефных книг для чтения и учебных пособий, изданных Институтом для слепых в Петербурге. Незрячих инвалидов, считает Александр Ильич, следует снабжать каталогами существующих изданий, по которым они могли бы делать выбор подходящего для себя материала. Библиотекари могли найти в книге Скребицкого сведения о технологии обслуживания слепых читателей за рубежом (система поручительств, сроки пользования книгами, плата за абонемент, использование печатных каталогов), о содержании запросов читателей (*«содержание самое разнообразное, начиная с романов, научных книг, исторических, заключаая философскими»*).

Эта книга не утратила своей познавательной ценности до сих пор. Примечательно, что сам Скребицкий видел значение труда в том, что он указывает *«каким способом сделать слепого в культурном отношении равноправным со зрячими»*.

Александр Ильич Скребицкий был широко образованным человеком, свободно владеющим несколькими иностранными языками. Он был другом ряда выдающихся деятелей своего времени. Он поддерживал тесные связи с Константином Ушинским – знакомство началось ещё в Москве на юрфаке. К сожалению, от их обширной переписки осталось лишь три послания.

Зато сохранились письма к нему Анны Адлер – всего 45, относящиеся к её работе по созданию учебных пособий и печатанию книг по системе Брайля. Выступая как единомышленники в деле образования слепых, они поддерживали и дружеские отношения: Адлер путешествовала вместе со Скребницкими по Западной Европе.

Дружил Александр Ильич и с выдающимся физиологом профессором Николаем Введенским. Именно его назначил своим душеприказчиком.

В сентябре 1915 года тифлопедагог скончался.

...А за 15 лет до смерти он пожертвовал Библиотеке Румянцевского музея значительную часть собранных книг (в основном, труды по офтальмологии; по вопросам, связанным с положением слепых в России; книги о русском крестьянстве) и очень придирчиво следил за их хранением и использованием. Незрячие читатели с 1895 года могли пользоваться в этой библиотеке книгами, отпечатанными «унциалом». Хранились они в небольшом отделе для слепых, открытом по инициативе Анны Адлер.

И если средства, оставленные Скребницким по его завещанию – врачебной кассе взаимопомощи, Литературному фонду и Академии наук (всего 250 000 рублей) – были вскорости обесценены, то принадлежавшие ему книги и его труды до сих пор служат людям!

*

6 июля Ростовская область отмечает 75-летие со дня рождения Владимира Калмыкова – поэта из города Новочеркаска.

*Л. А. Федюнина,
зав. отделом внестационарного
обслуживания*

ПЕВУЧЕЕ ПЕРО ПОЭТА

Владимир Григорьевич Калмыков родился 6 июля 1932 года в городе Новочеркаске в семье рабочего. В 1950 году окончил среднюю школу и поступил в артиллерийское училище.

Неожиданная беда настигла Володю в пору ранней молодости.

На посту.

Не в каком-нибудь переносном, а в самом доподлинном смысле этого слова, когда у него, курсанта военного училища, казалось, всё ещё впереди!

Сделали комплексную прививку, а к вечеру у курсантов поднялась температура, в караул пошли самые сильные, среди них – Владимир Калмыков.

К полуночи Володя почувствовал озноб, и все мысли были об одном: только бы дождаться караула!

Пришла смена, и Владимир упал на глазах товарищей...

Страшный диагноз – рассеянный склероз навсегда положил конец военной карьере. Началась нечеловечески трудная – изо дня в день – борьба с недугом. Тяжёлая болезнь помешала окончить училище. Он освоил профессию токаря и начал работать на Новочеркасском заводе имени Никольского, а затем поступил в геологоразведочный техникум. Но рецидив болезни, приведший к слепоте и неподвижности, заставил Калмыкова в 1957 году техникум оставить.

В настоящее время его имя занесено в Книгу почёта Новочеркасского геологоразведочного техникума.

После лечения в московской клинике Владимир Григорьевич стал работать надомником на Новочеркасском учебно-производственном предприятии ВОС. Прикованный к постели, он одновременно учился заочно в Ростовском педагогическом институте на отделении литературы и русского языка.

Но болезнь неумолимо с каждым днём приближалась, вот уже начала вырывать из-под локтя – костыль, из-под ног – землю, из пальцев – карандаш...

Так что, в конце концов, и остался потом всё ещё послушным один только палец, которым можно было касаться клавиш пишущей машинки. Правда, с большими промежутками и отдыхом, иначе и он мог отказать!

Всё это может навсегда повергнуть в отчаяние...

Но остались стихи!

И это окрыляло.

Так как каких-либо иных путей к возвращению в строй живущих и создающих уже не было...

Сперва из-под карандаша (когда ещё не выпадал из пальцев), а потом из-под клавишей машинки появляются первые строки и строфы.

*За каждый миг был вынужден бороться,
С начальствующим подлецом...
И горько, горько человеку стало!*

*Но духом он не пал, не оробел,
Когда невыносимая усталость
Давила плечи, он сквозь зубы пел.*

В 1957 году в новочеркасской газете «*Знамя коммуны*» было опубликовано первое стихотворение Калмыкова – «*Комсомолу*». А в 60-м Ростовское книжное издательство выпустило первую книгу его стихов – сборник «*В строю*».

*«В строю» –
короткое, как выстрел,
название сборника стихов –
не спасовал,
не дрогнул,
выстоял
наперекор судьбе лихой.*

*Все просто:
не стремясь в герои
суровой жизни рядовой,
болезнью –
выбит был из строя.
Стихами –
возвращён был в строй!*

Стихи Калмыкова печатались в журналах «*Дон*», «*Советский воин*», в газетах «*Труд*», «*Советская Россия*», «*Комсомолец*», «*Знамя коммуны*».

В 1964 году в Ростовском книжном издательстве вышел второй сборник стихов Владимира Григорьевича «*Возвращение*», а в 1971 году увидел свет и третий – «*В пути*».

В стихах поэта прослеживается вся трагическая и мужественная судьба автора...

Судьба – учебник жизни для многих.

И вот уже в дом на улице Народной, где он живёт, стали поступать заявки из библиотек, из институтов, с предприятий Новочеркасска.

Автомшины увозили автора на литературные вечера; инвалидную коляску вносили в аудиторию, ставили на сцену; и он читал свои произведения новочеркасцам: рабочим, вузовцам; выступал со своими новыми стихами перед молодёжью Ростова.

Материалы о жизни и творчестве Владимира Григорьевича были помещены в музей Николая Островского, а Дом поэта Калмыкова в Новочеркасске стал своеобразным литературным клубом города.

В 1973 году Анатолий Калинин и Николай Скрёбов дали Владимиру Калмыкову рекомендации для вступления в Союз писателей. Ростовское Областное отделение проголосовало «за» и отправило документы на утверждение в Москву.

Через всё творчество поэта проходит военная тематика. Он часто и охотно выступал в частях Советской Армии. В своей поэме «Возвращение» писал так:

*Куда от памяти деться?
Не думать о том бы,
Как рано кончилось детство
Под вопли немецкой бомбы...*

Владимир-ребёнок прекрасно запомнил те минуты несказанного счастья всех жителей города, когда советские войска 13 февраля 1943 года, вслед за победой под Сталинградом, освободили и Новочеркасск.

*И верили свято и ждали!
И вот, сквозь леса и горы,
В броне из уральской стали
Свобода пришла в наш город.*

Юношеская мечта стать защитником Родины не сбылась, но любовь к защитникам Отечества осталась.

*Мне не стоять
в строю твоём,
Родная
армия
Советов.*

*Теперь
оружие моё –
Певучее
перо
поэта.*

...Всю свою жизнь он трудился. Это была мятежная, вечно ищущая натура. Он умел предвидеть события далеко вперёд. Всегда подтянутый, весёлый. Друзей встречал – только с улыбкой. А любимое время года – зима. Когда на улице разыгрывалась буря, он просил вывести его на улицу.

*Порхает снег, порхает снег,
Как мягкий пух, как детский смех.*

Владимир Григорьевич не оставлял свой поэтический пост, как когда-то – боевой – до самого конца.

Он просто сгорел на этом посту. Теперь уже навсегда. 41 год с небольшим – всего отведено было его земной жизни.

15 февраля 1974 года его не стало.

Вскрости его вдова Анна Сергеевна послала письмо на имя председателя Горисполкома с просьбой об увековечении памяти Владимира Калмыкова, и (в связи с этим) о разрешении открыть в помещении творческой мастерской поэта музей на общественных началах. Эту инициативу поддержали начальник Военного училища связи Николай Быков и писатель Анатолий Калинин.

Просьбу рассмотрели положительно.

Прошло 10 лет, и общественность заговорила о придании Дому-музею Калмыкова статуса Государственного. И уже в ноябре 1988 года Исполком Новочеркасского Городского Совета народных депутатов Ростовской области вынес решение «О создании литературно - мемориального музея поэта В. Калмыкова (на правах литературного отдела Музея истории донского казачества)».

С 1 января 1989 года были введены штатные единицы: заведующего Домом-музеем, экскурсовода и двух смотрителей. Первым заведующим мемориального Дома-музея В. Калмыкова стал Александр Федорович Дорожко. Он проработал около года, за это время была завершена перестройка экспозиции.

3 года в этой должности пробыла Ирина Александровна Шаповалова.

С её приходом особенно оживилась работа музея. Много было сделано для укрепления материальной базы и благоустройства территории. В эти годы сложилось и стало приоритетным новое направление – работа с инвалидами.

В декабре 1992 года на базе музея проходил первый городской фестиваль инвалидов «*Смотри на меня, как на равного*». Впоследствии этот фестиваль стал традиционным и проводится ежегодно. Получили постоянную прописку в музее стационарные выставки творческих работ инвалидов.

В 1993 году Шаповалова уехала в Москву, в штатную должность заведующей Домом-музеем вступила Анна Сергеевна Калмыкова.

Музей истории Донского казачества имеет в своём составе очень необычные Дома-музеи. В их числе и музей Владимира Калмыкова,

Этот музей, как и мемориалы художников Митрофана Грекова и Ивана Крылова, позволяет проследить и полнее и нагляднее отразить историю судеб выдающихся представителей казачьей интеллигенции, живших и творивших в Новочеркасске в разное время.

Среди мемориальных музеев столицы донского казачества Дом-музей Владимира Калмыкова самый молодой.

*Я сердце и душу мою
От жизни не спрячу, не скрою.
И дань уваженья свою
Отдам Калмыкову – герою...
Он был как Островский – боец,*

*И – словно Маресьев – отважен!..
Любил он семью и стихи,
Весну с ароматом сирени...
К нему были власти глухи,
Но я – преклоняю колени,*

так отзывался о Владимире Григорьевиче поэт Игорь Снисаренко.

*

8 августа мы будем отмечать 80 лет со дня рождения выпускника нашего мединститута врача-офтальмолога с мировым именем – Святослава Фёдорова.

*А. И. Антонова,
библиотекарь отдела комплектования,
обработки и организации книжного фонда*

ФЕНОМЕН ФЁДОРОВА

В историях великих и успешных людей нас интересуют не только подробности их личной жизни, гастрономические пристрастия и тому подобное...

Прежде всего нас волнует вопрос: как они смогли достичь самых вершин успеха?

Конечно, проще было бы всё списать на удачливую судьбу, везение, талант. Но почти всегда за всемирным признанием и почётом, известностью стоит непрерывная работа. Талант без упорного труда – ничто.

Святослав Фёдоров был талантливым хирургом-офтальмологом, удачливым бизнесменом, очень обеспеченным и благополучным человеком.

В чём же заключался секрет его успеха?

В чём феномен профессора Фёдорова?

Сейчас эту историю назвали бы *«американской мечтой»*. Фёдоров начинал простым провинциальным врачом. Стал – миллионером, владельцем огромной медицинской корпорации. Но это была отнюдь не давняя детская мечта, воплотившаяся так зримо и весомо. Мечталось совсем о другом. О небе, высоте, самолётах! Словом, о профессии настоящего мужчины.

Но лётчиком Славе стать не удалось.

Святослав Николаевич Фёдоров родился в 1927 году 8 августа в городе Проскурове на Украине. Отец его – комдив Красной армии – был репрессирован.

42-й год – эвакуация семьи в Армению. После окончания школы Слава (есть одна у лётчика мечта!) поступил в Ереванское подготовительное авиационное училище, но учёбу не закончил.

В начале марта 1945 года, когда война громыхала предпоследними залпами, в училище готовился праздничный вечер. Надев единственный выходной костюм, Слава спешил на праздник. В трамвай прыгнул на ходу – боялся опоздать. Сорвался, еле успел уцепиться за поручень – поволокло по земле. Пробовал встать на ноги – пронзила острая боль в левой ноге. Очнулся уже в госпитале. Врачи решили ампутировать ступню и нижнюю треть голени. Наверное, можно было обойтись и без этого: ведь раздроблена-то всего лишь пяточная кость. Но хирурги перестраховались. Впрочем, тогда другое им и в голову не могло прийти.

После операции летать категорически запретили. Из училища пришлось уйти.

Что дальше? Куда податься? Какую выбрать специальность? Технический вуз, гуманитарный да ещё медицинский. К техническим наукам душа не лежала. К гуманитарным – не чувствовал в себе способностей. Решил попробовать в медицинский. Приехал в Ростов-на-Дону.

Этот выбор был почти шагом отчаяния. Ну надо же куда-то определяться! Вступительные экзамены сдал совсем блеска, за сочинение вообще получил *«трояк»*, так что по конкурсу прошёл еле-еле. И учился, собственно, как все, особо не выделяясь.

В 1952 году он окончил Ростовский-на-Дону государственный медицинский институт, в 57-м – ординатуру, в 58-м защитил кандидатскую диссертацию, в 67-м – докторскую. Вот такой быстрый взлёт.

Какое-то время работал врачом в станице Вёшенской.

А в офтальмологию его тоже привел случай.

В то время Слава увлекался фотографией, даже подрабатывал на этом. Поэтому, когда пришло время выбирать специализацию, решил остановиться на глазных болезнях – ведь глаз напоминал фотоаппарат. А оказалось – призвание.

Первую операцию начинающий врач сделал 8 марта 1951 года (тогда это был рабочий день). На кафедре готовились к женскому празднику, и тут привозят больного – слесаря с завода. Во время работы отскочил кусочек зубила и попал в глаз.

Молодой Фёдоров ассистировал хирургу – доценту Лакшину. Сделав анестезию, тот вдруг сказал Святославу, - Оперировать будешь сам, - и вышел из операционной.

После этого была работа в филиале государственного института глазных болезней им. Гельмгольца в Чебоксарах.

Много позже профессор Фёдоров признается, что профессия хирурга-офтальмолога – его судьба: *«Люблю оперировать... Чувствуешь свою власть над процессом, словно ты в полёте. И как бы идёшь всё время по лезвию бритвы, но знаешь, что дойдёшь! Не упадёшь! Ощущение ответственности и полезности того, что делаешь: этот пациент, почти слепой, завтра будет нормально видеть...»*

Я человек импульсивный, взрывной и потому не мог бы быть, скажем, терапевтом: мне необходимо быстро увидеть результат сделанного. А пациенты прямо у нас в клинике выбрасывают за ненадобностью очки! Операция – процесс динамичный, всегда творческий».

Но ведь хирургические операции сидя никто не проводит. И занимать они могут и полчаса, и час, и полдня, больше. Зависит от сложности.

Надо стоять. И Фёдоров всегда стоял. На протезе.

Молодой хирург оказался честолюбив. Ох, как не хотелось оставаться обычным врачом! Тем более, если носишь славное имя русского князя!

Ночами не спал, мучительно думал: неужели так бездарно пройдёт жизнь? Фантазировал, выдумывая интересные научные темы. Наконец решил: моё дело – операция по замене мутного хрусталика искусственным из пластмассы. Сама идея не была нова. За границей уже были попытки таких операций, правда, не всегда удачные. В отечественной офтальмологии новое *«западное увлечение»* считали чуть ли не шарлатанством!

Но Фёдоров не унимался. Сам, без разрешения руководства института начал работу по неплановой теме, проводил эксперименты на животных. Кролики с искусственными хрусталиками чувствовали себя хорошо, к морковке кидались сразу же, как только снимали повязку с прооперированного глаза.

Вскоре судьба свела молодого врача с тяжёлобольной девочкой. 12-летняя чувашская школьница с рождения страдала катарактой. Правым глазом она не видела вообще. Посоветовавшись с её родителями, Святослав Николаевич решил пойти на риск – прооперировать больной глазик и вставить в него искусственный хрусталик.

Операция прошла успешно! Девочка стала видеть!

А вот что касается научной карьеры и репутации самого хирурга, то результат был прямо противоположным – операции просто запретили. Старшие влиятельные товарищи предостерегали коллег от использования *«сомнительного»* фёдоровского метода.

Письма, обращения в различные инстанции ничего не дали. Корифеи долго не хотели принимать *«выскочку»*, *«врача-мальчишку»*.

Но всё же нашлись люди, которые ему поверили – пригласили заведовать кафедрой глазных болезней в Архангельский медицинский институт. Дела там хоть как-то, но худо-бедно пошли. У Фёдорова даже сложился коллектив единомышленников. Организовали небольшую клинику по имплантации искусственного хрусталика, но оттуда ему через некоторое время пришлось... бежать – уносить ноги в прямом смысле слова!

В конце 60-х молва о докторе из Архангельска, который возвращает зрение безнадежно больным, разнеслась по стране и стала проникать за границу. Больные прибывали, но условий для лечения всех нуждающихся не было: крохотная лаборатория, переполненные палаты, самодельное оборудование. И сами же больные писали жалобы во все инстанции о том, что условия в клинике недопустимые!

Разбираться в Архангельск приехал заместитель министра здравоохранения. Было решено: переводить лабораторию в Москву, оснащать клинику новейшей аппаратурой. Когда наконец приказ о переводе в столицу был у Фёдорова в руках, он пришёл к ректору прощаться. Тот встретил его довольно холодно – в Архангельске, естественно, вовсе не желали лишаться врача, принесшего институту огромную известность!

Дело не ограничилось только уговорами и упреками в дезертирстве. Предвидя трудности, Святослав Николаевич решил не медлить и позвонил товарищу: *«Думаю, на поезде нам завтра не уехать. Надо срочно сдавать билеты и лететь самолётом»*.

Назвав чужие фамилии – тогда билеты продавались без предъявления паспорта, – купили новые на первый утренний рейс. В Москву Фёдоров летел под фамилией Николаенко. Трудовые книжки им выдать отказались (потом пришлось требовать через прокурора). На вокзале же, как и предполагал Фёдоров, в то утро беглецов поджидали инспектор отдела кадров и ещё несколько человек, получивших распоряжение свыше *«Не пущать!»*

Словом, побег удался. Но что дальше? То, что из далёкого Архангельска казалось таким заманчивым – столица, признание в научных кругах, своя клиника, – отодвинулось ещё на годы.

Но он знал, к чему бежал и чего хотел: иметь собственный большой институт, возможность возвращать зрение не десяткам, а тысячам и миллионам больных людей. Собственно, так оно и вышло. Правда, путь розами никто не усыпал.

Было всё: зависть, многочисленные запреты и провокации, упрёки в саморекламе, даже попытки обвинить во взяточничестве. Однажды арестовали двух сотрудниц института. Шесть дней добивались признания, что профессор берёт взятки или, по крайней мере, знает, что у него в институте их берут. Если бы такие показания удалось выбить, подготовленный проект о создании комплекса «Микрохирургия глаза» был бы благополучно похоронен. Но благодаря мужеству женщин состряпать уголовное дело провокаторы не смогли. Доходило до идиотизма: врачи зашивали карманы – им пытались засунуть деньги...

30 лет понадобилось хирургу, чтобы осуществить свою мечту. Но и награда была высока!

Святослав Николаевич Фёдоров – талантливейший хирург, автор многих изобретений и открытий в офтальмологии, в том числе метода имплантации искусственного хрусталика, названного им «Спутник», методов лечения близорукости, глаукомы, астигматизма, создатель огромного межотраслевого научно-технического комплекса «Микрохирургия глаза».

Поэт Андрей Вознесенский назвал его «глазным гением». Но Фёдоров ещё и незаурядный организатор, впервые применивший в отечественной медицине метод конвейера и узкой специализации врачей – одного больного оперирует бригада хирургов, каждый последовательно выполняет свою часть операции.

Что делает человека таким одержимым, заставляет добиваться, казалось бы, невозможного, стремиться к самым вершинам и достигать их?

Родительские гены? Окружение? Обстоятельства? Собственная воля? Силы свыше?

В молодости у Фёдорова был один случай, определивший во многом его отношение к жизни и к себе самому. Ещё в студенчестве он занялся плаванием. Это было больше, чем увлечение. В воде он был со всеми на равных, не чувствовал своего физического недостатка и освоил почти все стили.

Как-то поплыл наперегонки со спортсменами-ватерполистами, которые тренировались на Дону, и многих обогнал. Тренер предложил выступить за команду – не хватало одного человека: «*Ты только до финиша доплыви, больше от тебя ничего не требуется – нам надо всего лишь зачёт получить*».

Когда дали старт, он прыгнул последним. Подумал: лишь бы доплыть! Поднял голову – впереди трое. Обогнал одного, второго... Так, впереди остался ещё один.

«И тут, - вспоминал Святослав Николаевич, - такая злость на меня нашла! Вдруг захотелось перегнать и победить. Метров за 300 до финиша я лидера обошёл и, к своему удивлению, стал победителем. На набережной собралась большая толпа, все хлопали, что-то кричали. Было необычайно приятно сознавать, что я могу то, чего не могут другие. В ту минуту впервые понял, глубоко прочувствовал, что всё по силам. Я понял, что если человек может преодолеть себя, то он сможет преодолеть любые трудности.

Именно тогда, на берегу Дона, во мне родилась и осталась на всю жизнь неодолимая уверенность в себе, в своих возможностях. Может быть, это качество – самое главное в моём характере. Стоя на набережной, ещё не успев обсохнуть, я открыл для себя простую, но невероятно важную истину: надо, что называется, вкалывать. Вкалывать до седьмого пота. Только при этом условии в жизни можно чего-то добиться. Для меня та победа, пусть скромная и незначительная, стала точкой отсчёта всей жизни.

Так что, как ни парадоксально, как ни кощунственно это звучит, я считаю, мне повезло, что потерял ногу. Не случись этого, я, наверное, не сумел бы развить в себе такую волю, способность не изменять поставленной цели ни при каких обстоятельствах».

Он был народным депутатом СССР. В Верховном Совете входил в состав Комитета по вопросам экономической реформы, был членом Межрегиональной депутатской группы

Баллотировался в Государственную Думу по списку избирательного объединения «*Российское движение демократических реформ*» и занимал в ней пост сопредседателя депутатской группы «*Народовластие*», входил в состав Комитета по охране здоровья.

В июне 1996 года выдвигал свою кандидатуру на пост Президента Российской Федерации. В I туре занял 6-е место.

В этом же году возглавил Палату по науке, здравоохранению, образованию и культуре Политического консультативного совета при Президенте РФ.

Осенью 1999 года накануне выборов в Государственную Думу III созыва вместе с лидером «*Союза народовластия и труда*» Андреем Николаевым создал избирательный «*Блок генерала Андрея Николаева, академика Святослава Фёдорова*».

Наград у выпускника Ростовского мединститута предостаточно.

Герой Социалистического труда. Лауреат золотой медали им. М.В. Ломоносова АН СССР. Заслуженный изобретатель СССР. Академик Российской Академии медицинских наук. Член-корреспондент Российской Академии наук. Действительный член Российской Академии естественных наук.

Имеет и многочисленные зарубежные звания и награды.

Он был председателем совета «*РОСМЕДБАНКА*». Членом попечительского совета Московской независимой вещательной корпорации «*ТВ-6*». Членом Координационного Совета отечественных товаропроизводителей. Членом Координационного Совета объединения «*Круглый стол бизнеса России*». Членом Международного русского клуба.

Вырастил четырёх дочерей. Три – медики, одна – филолог.

2 июня 2000 года Святослав Николаевич Фёдоров погиб в результате аварии вертолётa МНТК «*Микрохирургия глаза*».

Причины трагедии до сих пор не выяснены.

...А на вопрос, в чём заключается феномен профессора Фёдорова, лучше всего отвечает он сам:
«*Никаких суперталантов мне Бог не дал, кроме дикой настойчивости, трудоспособности, желания добиться своей цели, если эта цель принесёт людям пользу.*

Я считаю, человек, если захочет, может добиться всего, что возможно в этой Вселенной. Для этого надо невероятно хотеть. Невероятно стремиться к цели».

*

22 ноября – 75-летие смоленского поэта Дмитрия Алёшина. Этой дате посвящена наша следующая страничка.

*Е. Е. Нивидимова,
зав. методическим отделом*

Я И МУЗА...

*За синими озёрами,
Просторами сосновыми,
За чащами еловыми,
За белыми берёзами*

*Лежит земля смоленская,
Печаль моя славянская,
Краса и слава русская,
Родимая земля...*

Земля, обильно политая потом и кровью наших далёких предков, щит Москвы...
А географически она представляет собой сердце – это хорошо видно с самолёта.

Через это сердце шли все войны, недаром же герб города Смоленска – пушка и птица Феникс на ней – символ воскрешения!

Поэтому смоляне так горячо любят свою древнюю землю!

И на этой земле родился и живёт прекрасный русский поэт Дмитрий Васильевич Алёшин.

Основательный, добросердечный, несломленный невзгодами.

Родился он 22 ноября 1932 года в деревне Жугино Демидовского района Смоленской области в простой крестьянской семье. Подростком работал пастухом в колхозе.

Его отец Василий Владимирович был весёлым человеком, любил петь, участвовал в драматическом кружке, играл даже женские роли! Мать, Акулина Митрофановна, занималась хозяйством и строго следила за нравственностью своих четверых детей. Дмитрий помнит, как она наказала его за то, что он вовремя не выучил азбуку, которую она специально повесила на стену! Но именно с этого момента он взялся за ум.

Наступил 43-й... Взорвалась одна из фашистских мин...

Дима получил ранение в голову, искалечил руки, потерял глаза...

Та бесчеловечная война отняла у мальчика не только зрение, но даже возможность читать пальцами: он читает губами; а на машинке печатает одним пальцем. И на брайлевской, и на обычной...

Дмитрий Алёшин в 1949 году закончил обыкновенную сельскую десятилетку в городе Пржевальске. Поступил на заочное отделение филологического факультета Смоленского государственного педагогического института имени Карла Маркса. Окончил с красным дипломом.

Преподавал в массовой школе русский язык и литературу, работал председателем «первички» в родном Демидовском районе, рабочим на Смоленском предприятии.

И специально придумывал приспособления для своих рук.

Писать стихи Дима начал ещё в детстве. После потери зрения поэтическое творчество стало занимать всё большее место в его жизни.

Он не боится быть откровенным, обнажать свою душу перед читателем:

Я люблю и о том не молчу.

Нет предела напористой силе!

Мне и радость, и грусть по плечу:

Я не где-то родился – в России.

Творчество Дмитрия Алёшина – светлое, жизнеутверждающее – хорошо знакомо читателям демидовской районной газеты «Поречье»; смоленских газет «Рабочий путь» и «Смена»; столичных периодических изданий и коллективных сборников.

Он печатался в альманахе незрячих поэтов «Я люблю тебя, жизнь!» и, конечно же, в наших родных журналах «Наша жизнь», «Советский школьник», «Путь восточца», «В одном строю».

Алёшин – автор стихотворений, исполненных глубокого гражданского чувства, трудового пафоса:

Я верю в человеческий талант.

Я верю в человеческую силу.

Не потому ль поэт, чей стих – набат,

Увидеть может сразу всю Россию?

В цвету благоухает каждый сад.

Колосья лучетворней от росинок.

*Не потому ль с орбиты космонавт
Увидеть может сразу всю Россию?*

Светлым светлы созвездия наград.

Мать узнаёт себя в Герое-сыне.

Лишь тот, кто сердцем и душой крылат,

Увидеть может сразу всю Россию!

В его лирике воспеваются любовь к Родине, красоты родного Смоленского края – «*Не скупа Россия на пейзажи*», «*В голубой накидке ель*», «*Берёзы*», «*Спасибо, брат*».

*Когда я слышу пеньё сосен
Над сонным мутом, когда
В лучистом шёпоте колосьев
Звучат мелодии труда,*

*Когда во мне стихи рождаются,
Земные скромные стихи
О том, как вечера тихи
И как светлы цветы акаций,*

*Когда, в зенит вступая, лето
Серёжки дарит бересклетам
Под синим куполом небес,
Малиной зазывая в лес,*

*Я говорю: спасибо, брат!
Спасибо, воин-победитель,
За то, что на моей орбите
Хлеба высокие стоят!*

В своих стихах поэт стремится показать, как современная молодёжь воспринимает мир наших дней, трудных и светлых, насыщенных событиями. Особенно ярко это представлено в стихотворениях – «*Мечта*», «*К звёздам*», «*Всегда ввысь*».

Ряд стихотворений поэт посвятил близким его сердцу писателям – Николаю Островскому, Александру Твардовскому, другу и учителю Фёдору Шоеву.

О смысле поэтического творчества он говорит так: «*Поэты наших дней должны вершить своё правое дело в монолитном единстве с народом, жить его думами и чаяниями. И сегодня, в пору бурного развития физики, лирика обязана играть великую душеосвежающую роль. Лишив человека ощущения прекрасного, можно довести мир до безумного разрушения. Вот почему поэты не имеют права уходить из строя. Наблюдать жизнь мало! Надо активно творить её!*»

Стихи Алёшина были удостоены I премии на литературном конкурсе журнала «*Наша жизнь*», посвящённом 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

В настоящее время он работает на УПП общества слепых Смоленска.

Алёшин – признанный лидер, является председателем Смоленской территориальной местной организации ВОС.

Несмотря на сложности судьбы, Дмитрий Васильевич держится стойко: «*Живу один: только я и муза по ночам*».

Но сердце поэта никогда не бывает одиноко, оно всегда найдет отклик в чём-либо: будь это звёзды над головой или тропинки родной деревни Жугино...

Но легче ли поэту от этого?

Наверное, нет. Ведь эмоций всегда через край. Зато легче тем, кто рядом. А рядом с Дмитрием Васильевичем его подопечные из местной организации, для которых надо искать спонсоров; проводить дни Белой трости, «*круглые столы*» с представителями администрации; организовывать лекции, доклады, беседы и диспуты.

Чуткая душа Алёшина умеет находить поэзию и в буднях.

*Беда стучится в ворота,
Погас надежды лучик,
Но доброта, но доброта
Развеивает тучи.*

*Ложится грозовая высь
Всей тяжестью на плечи.
Но ты сквозь слёзы улыбнись –
И сразу станет легче.*

*Я сам готов – стезя крута –
От боли разреветься.
Но доброта! Но доброта
Моё вращает сердце.*

*Она не любит, чтоб о ней
Рассказывали сказки,
Но без неё и жить трудней,
И выцветают краски.*

*Друзья-товарищи ушли,
Потерю не заметив,
Но вслушайся, гудят имели
Над множеством соцветий.*

*Она не любит, чтоб о ней
Рассказывали сказки,
Но без неё и жить трудней,
И выцветают краски.*

...В этом году Дмитрий Васильевич Алёшин отмечает свой 75-летний юбилей, и хочется пожелать ему такой же молодости духа и долгой плодотворной творческой жизни.

*За пядью – пять, за шагом – шаг
Идём босые...
Куда ни глянь – родной большак,
Поля России.*

*За шагом – шаг, за пядью – пядь,
Найдя опору,
Чтоб необъятное обнять,
Шагаем в гору.*

*Глаза в глаза, в руке рука –
Светлеют лица.
Как в половодие река,
Большак струится.*

*За мигом – миг, за высью – высь,
И небо – чаща.
Большак – не только наша жизнь,
И завтра наше.*

*За далью – даль, за взлётом – взлёт.
Над нами тучи.
Остановиться не даёт
Большак певучий.*

*За пядью – пядь, за шагом – шаг
Идём босые...
Куда ни глянь – родной большак,
Поля России!*

*

В 2007 году исполняется 180 лет со дня рождения Бронислава Кукеля – известного деятеля тифлологии.

*И.В. Мандрыкина,
зав. отделом комплектования,
обработки и организации книжного фонда*

ПО ВЕЛЕНИЮ СЕРДЦА

Разными путями приходят люди к милосердию.

Блестящий красавец, весьма далёкий от проблем и бед незрячих, увлечённый своим делом – и вдруг – попечитель!

Мог ли молодой военный инженер, патриотически настроенный вольнодумец, представить, что на склоне лет будет заниматься призрением слепых детей?

Бронислав Казимирович Кукель родился в 1827 году. В Польше. Но всю жизнь прожил в России, был предан стране великороссов, великолепно знал историю, литературу и культуру России; на основе этих знаний и формировались его будущие взгляды и интересы.

В 1855 году Кукель поступил учиться в Николаевскую инженерную академию и окончил полный курс. После учёбы начал службу в Восточной Сибири, в казачьих войсках. Под началом генерал-губернатора Николая Николаевича Муравьёва-Амурского он прослужил с 1857 по 1861 год.

В те годы под руководством Муравьёва-Амурского осуществлялись культурные и хозяйственные преобразования края. В них большое участие принимал и Бронислав Казимирович.

В 1862 году генерал-губернатором стал Сергей Корсаков.

35-летний генерал Кукель был начальником штаба Восточной Сибири.

Здесь и познакомился он с *«революционным князем»* Пётром Кропоткиным, только что, после окончания Пажеского корпуса, прибывшим к месту службы.

Мятежный князь оставил интереснейшие и очень добрые воспоминания о Брониславе Кукеле и его семье.

Генерал Кукель взял молодого князя в адъютанты. В те годы Бронислав Казимирович временно занимал пост губернатора Забайкальской области и через несколько дней после знакомства Кукель и Кропоткин направились на Восток – через Байкал в Читу.

В области проводились большие реформы, да и вообще работы было много: нужно было, например, сделать описание экономического положения на основании земледельческой выставки; найти деньги для поддержки детского приюта; начать различные исследования, важные для истории края...

Пётр Кропоткин пишет, что Бронислав Казимирович говорил так: *«Мы живём в великую эпоху; работайте, милый друг; помните, что вы секретарь всех существующих и будущих комитетов».*

Окружающие знали Бронислава Казимировича как исключительно порядочного и честного человека.

Он был непримирим к разного рода несправедливостям и нарушениям закона. Однажды, узнав о бесчеловечном обращении одного волостного заседателя с крестьянами, принял решение изгнать подлеца со службы. Но у того нашлись покровители в Иркутске, и изгнание не состоялось...

Кропоткин вспоминает и о свободомыслии Кукеля: у последнего в доме были собрание лучших русских журналов и полная коллекция лондонских изданий Герцена. То ли эта революционная настроенность, то ли могучие покровители волостного заседателя, то ли чья-то злая воля привели к тому, что в 1863 году из Санкт-Петербурга пришла бумага, в которой Кукелю без объяснения причин и каких-либо обоснований предписывалось освободить все занимаемые должности. Поговаривали, что только горячее заступничество Муравьёва-Амурского, лично умолявшего императора Александра II пощадить Бронислава Казимировича, спасло Кукеля от сопровождения жандармов и Петропавловской крепости.

Князь с горечью отмечал, что с уходом Кукеля окончилась целая эпоха, на которую возлагалось много надежд. Расставание было похоже на похороны.

Все изменилось в жизни Кукеля. Военную службу он оставил навсегда, и, будучи знатоком финансового права, перешел работать в Министерство финансов.

А ещё эти иркутские события заставили пересмотреть взгляды на жизнь, и он пришёл к выводу: отныне будет заниматься только благотворительностью!

И с 1881 года Бронислав Казимирович становится членом Попечительства Императрицы Марии Александровны о слепых. Его назначают уполномоченным по Курской, Тульской, Костромской и Ярославской губерниям. В последних двух особенно проявилась его деятельность на пользу обездоленным слепым.

В таком деле можно было участвовать только по велению сердца. И в этом ему помогли только его глубокая порядочность и безграничная доброта.

31 августа 1886 года в Костроме по инициативе Бронислава Казимировича было открыто училище для 8 слепых девочек. Их разместили в старинном Богоявленском женском монастыре, основанном ещё в XV веке. Слепых девочек обучали грамоте; они ходили на богослужения в небольшую церковь Богоявления на реке Дебре, учились петь в церковном хоре, заучивали наизусть стихи из *«Псалтири»*.

Девочкам очень нравилось в приюте, рассказывали, что они очень любили слушать чтение книг Священного Писания.

Когда в мае 1887 года вспыхнул пожар, уничтоживший часть монастырских построек, училище нашло временный приют во флигеле дома Костромского губернатора. И Кукель приложил все усилия для постройки нового дома. Его труды увенчались успехом: уже в октябре 1887 года состоялось освящение приобретённого под училище дома, рассчитанного уже на 30 девочек.

В 1889 году в одном из флигелей открылось училище и для 15 слепых мальчиков. Но у здания были недостатки. Кроме того, начался приток новых учащихся. Всё это заставило Кукеля в 1893 году приступить к постройке специально оборудованного школьного дома на 60 детей – по 30 на каждый пол.

Через 2 года новое училище распахнуло свои двери.

В училище были – для того времени – прекрасно оборудованные классы и мастерские; детей обучали корзиночному и щётчному ремеслам; игре на фортепиано, флейте; правилам настройки клавишных инструментов. В 1902 году был создан профессиональный хор, певший в рабочих клубах, церквах и даже в Костромском театре.

В числе первых выпускников – будущий поэт Н. Шилов, автор стихов о жизни незрячих, и А. Белоруков и А. Баринов, авторы пьесы «Слепые музыканты».

Вот такое было училище.

Это очень красивое здание. Оно сохранилось до наших дней и сейчас взято государством под своё крыло как памятник русского деревянного зодчества XIX века.

Бронислав Казимирович не только занимался организацией училища, но и усердно работал над созданием в Костроме местного Отделения Попечительства. Оно было официально открыто 2 января 1887 года.

Кукель не оставался равнодушным и к мерам по предупреждению слепоты, принимал деятельное участие в организации «окулистических отрядов» в Костромской и Ярославской губерниях, занимался устройством глазной лечебницы Попечительства в городе Ярославле.

Во всех этих начинаниях Бронислав Казимирович был далеко впереди своих современников.

Его деятельность была отмечена Советом Попечительства Императрицы Марии Александровны о слепых: Костромское училище носило имя своего основателя Бронислава Кукеля, а в день 25-летия Попечительства он был избран его почётным членом.

Бронислав Казимирович Кукель скончался 13 июня 1914 года в Костроме. Он прожил долгую, трудную, но очень благородную жизнь.

*

Точной даты рождения основателя I в мире журнала для инвалидов по зрению Мориса де ла Сизерана мы не знаем. В этом году Франция, а с нею и все мы, отмечаем 150 лет со дня его рождения.

*Е. И. Соколова,
зав. сектором тифлоизданий*

ОЖИВИТЬ НАДЕЖДОЙ ЧЕЛОВЕКА

Париж шумел...

Ещё бы!

Подумать только! Затеяно издание нового ежемесячного(!) журнала!

И для кого?

Для слепых!!!

Которые его всё равно не увидят!!!

Называется «Луи Брайль».

«На что переводятся государственные деньги...», - возмущались обыватели.

А ещё еженедельник «Брайлевское обозрение»!
А ещё ежеквартальный журнал «Валентин Гаюи»!

И кто это всё придумал?
Какой-то Сизеран...
Да кто он такой?!
И куда только смотрит правительство...

А ведь было чем гордиться: своё собственное периодическое издание имелось далеко не у каждой прослойки населения.

Так что обыватели в своём возмущении, были отчасти где-то правы: у медников вот журнала своего нет, у торговцев – нет, да у самих издателей – нет!

А у слепых, которых-то раз-два – и обчёлся – пожалуйста, есть!

Но, наверное, после Валентина Гаюи не было во Франции человека, который бы сумел привлечь к таким нелёгким проблемам незрячих инвалидов внимание общественности.

Во всём мире француз де Сизеран известен как первый человек, решившийся на такое неперспективное на первый взгляд начинание – издавать для инвалидов по зрению журнал.

Именно через год после выхода в свет «Луи Брайля» (12 номеров – это немало) общественность признала, что хотя слепых-то и раз-два – и обчёлся, проблем у них несоизмеримо больше, и на эти проблемы как раз-таки и надо тратить государственные деньги.

В 80-е годы во Франции были открыты 24 специальные школы.

Но и в России не проходило и года, чтобы не открывалась 1 или 2 школы. К началу XX века их стало у нас тоже 24, как и во Франции.

Хранится в стольном граде российском, в Российской государственной библиотеке для слепых необычная книга.

Называется «Слепец о слепых».

Давно она уже для специалистов в области тифлологии стала раритетом. Но! Доступна и современному читателю благодаря хранящейся там же ксерокопии.

Вот тогда, в 1891 году, когда Попечительство Императрицы Марии Александровны о слепых издало в Санкт-Петербурге этот труд, имя французского тифлопедагога Мориса де Сизерана и стало известно широкому кругу россиян.

Этот тифлопедагог рассматривал человека, лишённого зрения, с точки зрения личного опыта. Через собственное восприятие, понимание и представление.

Сам автор ослеп в 9-летнем возрасте.

Повествование в этой книге ведётся удивительно живо, искренне, мастерски раскрывает духовный мир незрячего человека. Де Сизеран отмечает: «...будучи сыном художника, я вырос в мастерской пейзажиста и часто присутствовал при растирании красок. Тысячу раз при мне рассуждали о тайнах перспективы... сохрани Бог, чтобы я когда-нибудь пожалел о тех часах, которые там просиживал. Я люблю узнавать, что именно видно с того места, где я стою; какой характер местности, где я гуляю; и вовсе не из пустого любопытства, а потому, что я живо представляю себе то, о чём мне рассказывают. Мне тогда кажется, что я живу более полной умственной жизнью, что я ближе делюсь впечатлениями с другими людьми. Я всегда представляю себе форму, размеры, цвет предметов, о которых мне говорят, живо воображаю сцены, которые мне описывают...»

«Автор этой небольшой книги, - писал в своём предисловии к «Слепцу о слепых» член Французской Академии наук граф д'Оссонвиль, - не только старается доказать, что слепые вовсе не

ниже зрячих по умственному развитию, - хочет доказать, что и в нравственном отношении они живут такой же полной и глубокою жизнью, как и зрячие».

Русские подвижники благотворительности и просвещения незрячих отводили тифлопедагогическим трудам де Сизерана почётное место. Их читали и изучали как на языке оригинала, так и в переводе на русский язык.

Российский журнал «Слепец» информировал своих читателей о каждой новой его книге. Так, в рубрике «Библиография» в 12 номере за 1909 год сообщалось:

«Морис де Сизеран, много лет потрудившийся на пользу слепых, издал недавно новую книгу «Тридцать лет изучения и деятельности на пользу слепых». В книге этой тифлофилы всех стран найдут много интересных и полезных указаний. Перелистывая этот толстый томик, удивляешься, как много вопросов и как тщательно рассмотрено автором. На последней странице помещён перечень целого ряда книг, выпущенных автором в свет... Между тем Морис де Сизеран не только писатель, он прежде всего человек дела; сколько же упорного труда должен был затратить этот слепой, чтобы создать всё это! За свою 30-летнюю деятельность Морис де Сизеран сделал очень много для слепых. Он и по сей час состоит секретарём Ассоциации Валентина Гаюи. То обстоятельство, что он лично и ежедневно трудится на пользу слепых, придаёт тем большую цену тому, что он пишет. Читая его труды, чувствуешь, что пишет не теоретик или кабинетный учёный, а человек, переживший всё, о чём пишет».

Уникальный педагогический опыт самого де Сизерана нашёл отражение в его «Руководстве для первоначального воспитания слепых детей». Его перевели на русский язык всё в том же Попечительстве Императрицы Марии Александровны о слепых в 1888 году и издали вместе с «Правилами для приёма детей в училища слепых ведомства Мариинского Попечительства». «Правила...» можно было получить в канцелярии Попечительства бесплатно.

Данное «Руководство...», написанное более 100 лет тому назад и обращённое к родителям детей-инвалидов и молодым педагогам, абсолютно современно!

Разрешите привести некоторые выдержки: они очень просты.

Но ведь всё гениальное – просто.

«Следите с особым вниманием за тем, как держит себя слепой ребёнок, который, не видя, как держатся другие, легко принимает дурные привычки и неловкие, уродливые и даже смешные движения, от которых впоследствии отучать его весьма трудно, и которые могут отозваться вредно на последующей его жизни. Одним словом, требуйте, чтобы слепой ребёнок держал себя совершенно так же, как благовоспитанный зрячий ребёнок...

Заставляйте слепого ребёнка заниматься лёгкими ручными работами вроде вязания, плетения, прядения и т. п. Даже если бы его изделия вначале оказались и негодными к употреблению, то такие простые работы всё-таки принесут большую пользу ребёнку, развивая гибкость его рук и пальцев...

Одним словом, имейте при воспитании слепого ребёнка в виду, что ему придётся жить среди зрячих, от которых он должен по возможности менее отличаться своими движениями, привычками и занятиями...

Разговаривая со слепым ребёнком, не забывайте, что он следит за вашими словами не только со вниманием, но даже с жадностью, что он ничего не упускает и старается всё понимать, и что всякий неосторожный разговор, ведённый вами в его присутствии, сделается предметом его размышлений на несколько часов, а иногда и на несколько дней...

Для слепого ребёнка ещё более важно, нежели для зрячего, быть всегда занятым, будь то игрою или работою...»

Откуда же у сына – собственно, неизвестного широким кругам – живописца, подобный опыт? В богемной-то среде...

Морис де ла Сизеран – так звучит его полное имя – родился в 1857 году в дворянской семье – об этом свидетельствует приставка к фамилии «де». Родители не бедствовали.

Образование получил в Парижском национальном институте для слепых детей. Здесь обучали навыкам профессии музыканта, настройщика роялей, корзинщика и щёточника.

Учение давалось довольно легко, и на одарённого мальчика обратили внимание и со временем предложили попробовать себя в должности преподавателя музыки. Педагогические успехи и организаторские способности Мориса оказались вне конкуренции, и вскоре он возглавил этот институт.

С самого раннего детства была для Мориса характерна совершенно разносторонняя деятельность – такая своеобразная многостаночность. Обычно это мешает: вроде бы и много всего, а в итоге – ничего конкретного. Но этот молодой человек был отмечен Богом – его талант приносил плоды в совершенно разных областях жизни незрячих – в социальном положении, в просвещении, в профессиональном обучении, трудоустройстве, книгопечатании, музейном и – даже – библиотечном деле!

То есть, он наш с Вами коллега.

Морис придумывал специальные, как бы мы сейчас сказали, «носители для пополнения информационного поля незрячих» – прообразы картотек.

Предлагал определённые услуги – что-то вроде наших «громких читок».

Разрабатывал систему, при которой его читатели могли в краткие сроки познакомиться с произведениями великих земляков – Бальзака, Гюго, Золя, Мопассана, Флобера.

Мечтал он и о переводной литературе, в частности, о нашей, русской; но это был слишком дорогой процесс. Таких средств не нашлось.

Бумага всегда ценилась недёшево, и для экономии де Сизеран придумал прибор междустрочечного оборотного письма. А ещё разработал в 1882 году систему французской краткописи на рельефно-точечном шрифте.

Не столь уж великие, но кое-какие сбережения у молодого уже известного в тифлокругах педагога имелись. И он мог себе позволить проводить отдых в Верхних Альпах. Каждый год – несколько недель. И совмещать приятное с полезным.

Прогуливаясь по полюбившимся знакомым местам, Морис всегда имел при себе карманные записные книжки и записывал свои мысли брайлевском шрифтом. Естественно, несколько медленнее, чем за столом в кабинете, но так же уверенно. Он всегда утверждал, что «без шрифта Брайля ни за что не справился бы со всем тем, с чем справился».

Он был самым преданным сторонником точечной системы и призывал обучать ей маленьких деток даже с мизерными нарушениями зрения. Неизвестно, что будет потом...

А пока Морис решает воплотить в жизнь давнюю свою мечту: «дать миру слепцов свою печатную страничку».

Он много чего умеет, почему бы ни попробовать себя в роли издателя и журналиста?

Характер у него – общительный. Поездки в горы приучили хорошо ориентироваться как в городе, так и в сельской местности; железной дороги он не боялся; значит, как журналист, сможет без труда посещать своих друзей по несчастью – незрячих музыкантов, ремесленников, учителей, пенсионеров в самых разных уголках Франции.

Сказано – сделано!

1883 год отмечен этим начинанием: в свет вышел первый в мире ежемесячный журнал для слепых. Де Сизеран назвал его кратко: «Луи Брайль».

Конечно же, первые заметки и корреспонденции, появившиеся на страницах журнала «Луи Брайль», принадлежали ему. Статьи были совершенно разные – от сугубо научных до познавательно-развлекательного характера.

1883 год отмечен ещё одним начинанием: Морис де Сизеран стал издателем и редактором ещё одного журнала – «Валентин Гаюи», выходившего 4 раза в год плоским шрифтом.

Это пособие давало рекомендации учителям и воспитателям чему и как учить незрячих, какие ремёсла больше соответствуют их способностям и возможностям, какие профессии дают лучшие шансы для трудового устройства.

Воистину, за что бы ни брался этот человек, всё выходило со знаком высокого качества!

Если прежде тифлопедагоги и воспитатели французских школ для слепых детей могли знакомиться с вопросами методики обучения только по редко выходящим отдельным книгам, то теперь проблемы тифлопедагогики систематически освещались на страницах специальных периодических изданий.

Популярное изложение элементарных правил воспитания, пропаганда тифлопедагогических знаний, информация о работе системы образования, – всё это содействовало росту школ для инвалидов.

Уровень неграмотности среди незрячих Франции медленно, но всё же непрерывно сокращался.

Морис де Сизеран, как крупный общественный деятель Франции, становился известным не только в мире слепых, но и в мире зрячих.

Он является участником всех Международных конгрессов учителей и друзей слепых.

Тифлопедагог – горячий пропагандист общественной активности самих инвалидов по зрению!

Помимо всего этого, де Сизеран заботится и об обучении умственно отсталых слепых детей – до него на них просто не обращали никакого внимания.

Новым серьёзным начинанием Мориса де Сизерана явилась созданная им в 1889 году Ассоциация имени Валентина Гаюи – самая крупная во Франции общественная организация.

Она была призвана решать вопросы жизни, труда и быта людей, лишённых зрения, силами самих этих людей.

Ассоциация существовала на членские взносы и пожертвования благотворителей. В её Совете работали три комитета. Первый – финансовый – курировал денежные средства и отвечал за идеи разумного попечения о слепых; второй – просветительский – заботился о распространении образования; третий – лекарский – занимался мерами по предупреждению слепоты, собирал статистические данные о слепых и оказывал помощь ослепшим.

В одном из лучших районов Парижа был построен трёхэтажный Дом слепых.

Рассказывая об этом Доме своим читателям, русский журнал «Слепец» писал в 1909 году: *«При возведении здания администрация отнюдь не руководствовалась мелочным желанием личного комфорта. Роскошь отсутствует. Нет ничего лишнего. Здание старались выстроить так, чтобы оно было как можно удобнее для слепых и насколько возможно удобно для того, чтобы тифлофилы могли осуществить свои задачи. Во всей постройке нет ничего необдуманного и бесцельного. Малейшая деталь имеет своё основание».*

Вот что пишет об этом в своей книге «Силуэты» Марат Бирючков:

«Совершим заочную экскурсию по парижскому Дому слепых.

Незрячие приходили сюда с самыми разными нуждами. Посетителей принимали патронессы, выслушивали их просьбы и жалобы в отдельных гостиных-уголках, чтобы не стыдно было бедным людям открывать своё горе в присутствии других.

Желающие могли записаться в библиотеку им. В. Гаюи, основанную Сизераном, где был широкий выбор художественной и нотной-музыкальной литературы. Для читателей-брайлистов в типографии рельефно-точечного шрифта, размещавшейся здесь же, печатался еженедельный журнал «Брайлевское обозрение». Учителя школ для слепых детей имели возможность пользоваться тифлопедагогической литературой не только на родном французском, но и на иностранных языках. Гордостью Дома слепых стал тифлологический музей им. Л. Брайля, в котором были собраны все учебные пособия и приборы, применявшиеся тогда при обучении незрячих. Слепые парижане и жители предместий съезжались в здание Ассоциации, чтобы послушать интересную лекцию.

А раз в месяц в лекционном зале устраивались концерты, в которых выступали сами незрячие.

Для желающих обучиться профессии массажиста три раза в неделю слепой врач читал лекции. В одном из залов, носящем имя мецената Давена, давшего средства на постройку здания, были выставлены изделия слепых для продажи. Среди них – щётки, плетёные и бамбуковые стулья, дорожные корзины, столярные и слесарные поделки, вязаные рубашки, куртки и сети.

В Доме слепых работал глазной кабинет, куда приходили больные, которым угрожала слепота. Незрячие обращались в Ассоциацию им. В. Гаюи за бесплатными юридическими консультациями. Им также предоставлялось право пользоваться железнодорожными билетами по удешевлённому тарифу, а поездка с сопровождающим предполагала покупку только одного билета. Нуждающимся незрячим выдавалась помощь в виде одежды, белья, обуви и мебели. Столь разнообразный и обширный круг услуг, которыми пользовались незрячие Франции более 100 лет тому назад, составил бы конкуренцию уровню социальной помощи обездоленным даже в настоящее время».

В год 20-летия со дня своего основания Ассоциация имени Валентина Гаюи обслуживала 6500 слепых и расходовала на их нужды 167000 франков. Для того времени – очень впечатляющие цифры!

Возглавлял её до самой своей кончины в 1919 году Морис де ла Сизеран.

Следуя заложенным им замечательным традициям, Ассоциация действует уже более 100 лет. С ней сотрудничают многие организации слепых разных стран мира, в том числе и журнал для незрячих детей России «Школьный вестник». Этот журнал принимал участие в работе Парижской конференции, которую Ассоциация посвятила вопросам социальной, психологической и профессиональной реабилитации незрячей молодёжи.

«В настоящее время тифлопедагоги и реабилитологи всего мира, руководствуясь идеями де Сизерана, продолжают поиски путей и способов оказания социальной, педагогической и просветительской помощи слепым», - говорится в Положении Ассоциации.

26 августа на Дворцовой площади Северной столицы нашей Родины завершился велопробег на тандемах «Невский тандем» Париж – Санкт-Петербург.

Как заявил на пресс-конференции Генеральный консул Франции в Санкт-Петербурге Стефан Висконти, *«это, прежде всего, спортивное мероприятие, а также очень показательный пример внимания друг к другу – на тандемах будут слепые и слабовидящие участники».*

Участники велопробега стартовали 3 августа от Эйфелевой башни в Париже.

Инициаторами акции являются члены французской Ассоциации слепых имени Валентина Гаюи. В состав делегации входят 53 человека, 17 из которых – слепые и слабовидящие. Среди них есть трое потомков наших соотечественников первой волны эмиграции.

«При отборе претендентов речь шла не только о желании, но и о возможности пересечь большое расстояние», - добавил Стефан Висконти.

Велопробег на тандемах организован Специальным Олимпийским комитетом Санкт-Петербурга, Администрацией Санкт-Петербурга и Генеральным Консульством Франции.

...Очень убедительно звучат все мысли тифлопедагога Мориса де ла Сизерана о духовном мире незрячих, об их социальном положении, о той помощи, которую зрячие могут оказать своим братьям.

«Он понял, как прекрасно поднять человека и поставить его на своё место, как прекрасно восстановить нарушенную гармонию в мире и вернуть звуки разбитой арфы, - так говорил де Сизеран о Валентине Гаюи, - не хотите ли и вы, подобно ему, оживить надеждой человека, дать деятельную жизнь слепому?»

Разве устарели эти мысли сегодня?

Разве не находят они отклика в наших сердцах?

*

Редактор-составитель	Е. И. Соколова
Компьютерная вёрстка:	Е. И. Соколова
Ответственная за выпуск	И. К. Ермоленко

С 25

«Святая наука услышать друг друга»: методическое пособие. /
Ред.- составитель Е.И. Соколова, – Ростов-на-Дону,
Областная специальная библиотека для слепых, 2007.

«Святая наука услышать друга» – методическое пособие, посвящённое деятелям тифлологии – юбилярам 2007 года.

Читателю предоставляется возможность вспомнить страницы жизни тифлопедагога Александра Скребицкого, математика Леонарда Эйлера, архиепископа и хирурга Валентина Войно-Ясенецкого, поэта Владимира Калмыкова и других.

Пособие подготовлено на основе материалов периодики и сети «интернет».